А.Г.Харчев

БРАК И СЕМЬЯ В СССР

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

[KHARCHEV], A.G.

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1979

в действительности представляет весьма сложную и противоречивую картину, тем более что половая мораль отражает не только экономический и социальный строй сам по себе, но и те исторические обстоятельства, в которых происходило его становление и развитие. А советскому обществу, как известно, эти обстоятельства благоприятствовали далеко не всегда.

Поэтому социализм в конкретных и весьма сложных исторических условиях развития нашей страны отнюдь не обладал всеми возможностями для создания новой половой морали. Социалистические нормы отношений между полами сталкивались с пережитками старых норм, искажались военными и послевоенными трудностями. Гуманистическая сущность этих норм не всегда адекватно проявлялась в индивидуальном и групповом поведении.

Так как это поведение представляет своего рода «равнодействующую» различных и зачастую противоречивых тенденций, оно не может быть определено, подобно самим этим тенденциям, путем лишь теоретического анализа уже имеющегося эмпирического опыта. Здесь возникает необходимость социологических исследований самой практики отношений между полами. В данной главе мы опираемся на материалы ряда таких исследований, проведенных в разное время.

Первое из них относится к 1962 году. Оно проводилось во Дворце бракосочетаний (городском ЗАГСе) [5] Ленинграда методом анкетного опроса в течение сравнительно длительного времени (2 месяца) и охватило значительное количество браков, зарегистрированных в этот период. Всего было опрошено 500 пар и собрано дополнительно для проверки полученных результатов еще 300 анкет. В числе опрошенных рабочие (21%), студенты (28%), инженерно-технические работники (10%), служащие, врачи, работники культуры, искусства, науки, военнослужащие.

[5] Как известно, во Дворцах бракосочетаний регистрируются только первые женитьбы и замужества, что автоматически обеспечивает отбор наиболее типичных по возрасту вступающих в брак и представительных по процедуре заключения брачных союзов.

Вопрос, непосредственно относящийся к представлениям людей о мотивах вступления в брак, был сформулирован следующим образом: «Что, по-вашему, является главным условием прочного и счастливого брака?» Такая формулировка позволяла перенести «ударение» с побуждений, которые обусловили данный конкретный выбор (что могло быть воспринято как выражение оскорбительного вмешательства в личные дела), на общеморальные основы этих побуждений. В свою очередь это несколько уменьшало вероятность неправдивых ответов, так как безличная форма вопроса обеспечивала отвечающему известные гарантии против отождествления его мнения с его поведением.

Из всех брачных пар, заполнявших анкеты, 76,2% считали главным условием прочного и счастливого брака любовь или любовь вместе с общностью взглядов, доверием, искренностью, дружбой и т. д., 13,2% — равноправие и уважение, 4% — любовь и жилплощадь, 1,6% — любовь и материальные блага, 0,6% — наличие детей, 0,2% — «реальные взгляды на жизнь», остальные 4,2% не дали никакого ответа. Если даже предположить, что не ответившие близки по своим взглядам к тем, кто выдвигает на первое место в браке материальные факторы, то и тогда число последних составит лишь около 5% общего количества[6].

Это соотношение лишний раз свидетельствует о том, что моральный подход к браку стал преобладающим в советском обществе. Однако данное обстоятельство не следует истолковывать как своего рода тенденцию к аскетизму: как показали выборочные устные интервью, люди, вступающие в брак, понимают всю важность экономического обеспечения супружеской жизни, но в случае возникновения несоответствия или противоречия между моральными и материальными условиями брака решают вопрос в пользу первых. Об этом свидетельствуют и ответы на вопрос анкеты: «Где вы

[6] Примерно такой же результат получил в 1966 г. Н. Г. Юркевич, по данным которого «около 94% опрошенных (252 из 271) считают брак по любви нравственным идеалом, к которому следует всячески стремиться» (см. *Юркевич Н. Г.* Советская семья, с. 95).

намерены жить после заключения брака?» Временная нехватка жилья часто ставит перед молодыми людьми, любящими друг друга, дилемму: или отложить брак и ждать получения квартиры, или же жениться вопреки неблагоприятным материальным обстоятельствам.

Какому же варианту отдается предпочтение? 9,4% из числа опрошенных ответили: «Надеемся получить новое жилье»; 7,6% намерены жить в доме жениха (без родителей); 7,6% — в доме невесты (без родителей); 19,6% — у родителей жениха; 16% — у родителей невесты; 2% — иногда у родителей жениха, иногда у родителей невесты; 15,6% будут снимать комнату; 9,8% уезжают после брака в Сибирь; остальные ответили: «Не знаем» (1,4%), или вообще не ответили (10,8%). Следовательно, более четверти всех молодоженов вступили в брак, не имея необходимых жилищных условий для супружеской жизни.

В свою очередь, обобщение данных о роли родителей при заключении брака дало следующие результаты: 79,6% опрошенных пар перед принятием решения о вступлении в брак спрашивали согласие родителей, причем 77,8% получили это согласие; 1% — получили, но не сразу и в четырех случаях (0,8%) родители жениха возражали против брака; 13% не спрашивали согласия родителей, но поставили их в известность; у 3,4% родители пока не знают о браке; две пары (0,4%) не имеют родителей; остальные 3,6% не ответили на указанный вопрос.

В ходе индивидуальных бесед с молодоженами при заполнении анкеты было установлено, что выбор был сделан самим лицом, вступающим в брак, а родители лишь одобрили этот выбор. Таким образом, родители не отстраняются от участия в решении вопроса о женитьбе или замужестве своих детей, но их роль по сравнению с частнособственническими браками существенно изменилась.

Факты, когда дети не спрашивают у родителей разрешения на вступление в брак, а лишь информируют их об этом, имеют две главные причины: недостаток уважения к родителям, нежелание считаться с ними или опасение получить отказ. Индивидуальные беседы с молодоженами показали, что в большинстве случаев действует первая причина. Эта свойственная части молодежи тенденция отстранения родителей от своей «личной жизни» без особых на то оснований не может не вызвать тревогу, ибо советы и поддержка, опыт и хладнокровие старших представляют собой естественный и весьма необходимый «противовес» самонадеянности, неуравновешенности, горячности и нравственной неопытности, которые иногда свойственны молодым. Там, где этот «противовес» отсутствует, ошибки молодежи при вступлении в брак более часты и тяжелы. Случаи прямых конфликтов между родителями и детьми при заключении брака сравнительно редки. В значительной части этих конфликтов правой стороной оказываются родители, возражающие не против избранного человека, как такового, а против несерьезности, недостаточной моральной обоснованности самого выбора.

При анализе ответов на вопрос анкеты о главном условии прочного и счастливого брака обращает на себя внимание то, что лишь 0,6% респондентов считают таким условием наличие детей. По-видимому, это можно объяснить прежде всего тем, что большинство будущих супругов идентифицирует любовь и материнство (отцовство). В пользу этого предположения говорит и тот факт, что обычно бездетность — особенно после нескольких лет супружеской жизни — воспринимается и самими супругами, и окружающими как симптом нравственной неудачи брака, хотя непосредственно после женитьбы и замужества молодожены нередко откладывают рождение ребенка, а подчас и вообще не ассоциируют семейное счастье с отцовством и материнством.

Исследование мотивов брака, проведенное в 1966—1967 гг. лабораторией социологии Пермского педагогического института под руководством З. И. Файнбурга, охватило студентов (871 человек), рабочих (1771 человек), служащих (453 человека), инженерно-технических работников (316 человек). Подавляющее большинство опрошенных считают любовь необходимым условием брака и полагают, что их брак основан на любви.

рождений, а сокращение рождаемости в свою очередь создает более благоприятные условия для развода. Как отмечают Ю. Ш. Шлиндман и П. П. Звидриньш, из числа брачных пар, расторгающих брак, в Латвийской республике более половины таких, у которых вообще нет детей и лишь несколько процентов имеют двух и более детей [32]. По данным Л. В. Чуйко, среди браков, расторгаемых в Дарницком и Жовтневом районах г. Киева (за 1968 г.) [33], в тех случаях, когда инициатором расторжения брака выступала жена, не было детей у 25%, 1 ребенок — у 51, 2 ребенка — у 19, 3 и более — у 4%, а при разводах по инициативе мужа — соответственно у 36, 45, 16 и 3%.

Л. Е. Дарский определил (по данным выборочного обследования, проведенного ЦСУ СССР в 1960 г.), что расторжение первых браков, в которых невеста была моложе 20 лет, снижает окончательное число детей у этих женщин (у разведшихся и неразведшихся вместе) на 25%, а распадение первых браков, заключенных в 20—24 года (они отличаются большей прочностью),— на 13%. При этом «повышенная вероятность распадения браков... способствует формированию более низкого уровня брачной плодовитости, так как женщина опасается остаться одна с детьми и супруги не хотят «связывать» себя большим числом детей, учитывая потенциальную возможность развода» [34]. Отсюда следует, что высокий процент разводов влияет и на число детей у неразведенных супругов.

Этот вывод подтверждается и сравнительно недавними исследованиями В. А. Борисова. «На рождаемость теперь влияет не столько развод, сколько предшествующие ему отношения между супругами,— пишет он. — А эти отношения, если они неблагополучны, могут оказывать влияние на рождаемость даже и в тех браках, где до развода дело не доходит» [35]. На той же точке зрения стоит и

[32] См. *Шлиндман Ю., Звидриньш П.* Изучение рождаемости. М., 1973, с. 18.
[33] См. *Чуйко Л. В.* Браки и разводы. М., 1975, с. 145—146.
[34] *Дарский Л. Е.* Формирование семьи. Демографо-статистическое исследование. М., 1972, с. 145.
[35] *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости, с. 94.

Л. В. Чуйко, указывая, что особенно неблагоприятно влияет на рождаемость длительное раздельное проживание супругов без формального развода [36]. Это даже хуже развода, поскольку нет возможности вступить в другой юридический брак и родить в нем еще одного ребенка.

Пилотажное исследование, проведенное в Москве осенью 1976 г., показало, что у многих (около $^1/_3$) молодых мужчин и женщин, оценивающих свой брак как счастливый, тем не менее время от времени возникает мысль о возможности развода, потому что они видят, как распадаются семьи их родных и знакомых, как рушатся браки, многие из которых существовали длительное время и считались счастливыми.

Таким образом, возникает своего рода «заколдованный круг»: рост количества разводов отрицательно влияет на рождаемость, а низкая рождаемость, планирование второго, а зачастую и первого ребенка лишь на пятый, шестой и т. д. год супружества существенно ослабляют сопротивляемость молодой семьи действующим в ней центробежным силам. Это дает основание для вывода, что материальное и моральное поощрение первого и особенно второго и третьего ребенка будет служить не только необходимому для страны увеличению прироста населения в ее центральных и западных регионах, но и известному уменьшению количества разводов. В современных условиях компенсации высокой разводимости повторными браками и низкой рождаемости в первых браках увеличением ее в повторных, как правило, не происходит.

По данным Л. В. Чуйко, в повторные браки вступают немногим более половины мужчин и меньше половины женщин, причем в это число входят не только разведенные, но и вдовые. Для бездетных женщин вероятность вступления в новый брак гораздо выше, чем для имеющих детей. Большинство разведенных женщин, не ставших матерями в первом браке, не становятся ими и в последующих: на каждый зарегистрированный второй и т. д. брак

[36] См. *Чуйко Л. В.* Браки и разводы, с. 171.

приходится лишь 0,37 деторождения, тогда как на первый — 1,2 [37].

В свою очередь урбанизация и жизнь в крупных городах повышают процент разводов прежде всего потому, что рост городов связан с усилением миграционных процессов, ослаблением социального контроля и возрастанием активности факторов, способствующих дестабилизации семьи. Миграция может ухудшать шансы брака и тем, что нередко обусловливает на какое-то время раздельную жизнь супругов (когда на новое место сначала уезжает лишь один из них), и тем, что сам брак, когда он заключается в местах новых поселений, подчас не получает ряда традиционных гарантий его стабильности, таких, например, как участие в брачном выборе родителей, старших родственников и друзей, сравнительно детальное знание ими и самим вступающим в брак «другой стороны» будущего брачного союза: жениха или невесты, его (ее) семьи, окружения, прошлого поведения и т. д.

В местах со стабильным населением новая семья сразу становится элементом уже сложившейся системы жизнедеятельности и общения, имеет больше возможностей опираться на поддержку старшего поколения, пользоваться его советами и помощью вплоть до того, что, как уже говорилось, часть молодых семей до получения собственной площади проживает временно в родительских жилищах. Миграция, особенно для молодежи, имеет, конечно, свои преимущества, но обретение их означает одновременно потерю того, что дает человеку взрастившая его, заинтересованная в его делах, разделяющая его заботы привычная микросреда. Даже в случаях переселения молодых семей по распределению их бытовое устройство нередко составляет проблему, решение которой затягивается на месяцы и годы (если за это время семья не распадается или не переезжает на новое место жительства).

«Сложнейшим препятствием на пути к желанной работе стали, как это ни странно... женитьба или замужество,— писал начальник отдела распределения молодых специалистов Министерства высшего и

[37] См. там же, с. 172.

среднего специального образования РСФСР К. Савичев. — На местах еще мало заботятся о создании новым специалистам нормальных условий для труда и жизни. Считают, наверное, что они молодые, да к тому же на три года отданы в их распоряжение — поэтому все, мол, выдержат, все стерпят» [38].

Далее автор констатирует, что «добрая половина оканчивающих университеты и институты — семейные». К этому можно добавить, что у второй половины вступление в брак чаще всего зависит от перспективы получения жилья. Ни государство, ни общество не заинтересованы в том, чтобы в стране возрастала численность холостяков и незамужних, потому что это одновременно и возрастание количества неустроенных судеб и внебрачных детей. Поэтому наряду с предлагаемым К. Савичевым законодательным закреплением не только прав, но и обязанностей предприятий по отношению к молодым специалистам, нужно значительно расширить сферу кооперативного жилищного строительства, создав одновременно систему государственного кредитования молодых семей. Эта мера поможет повысить не только стабильность этих семей, но и новых трудовых коллективов, ибо ничто так не привязывает человека к предприятию, как домашний очаг.

Нерешенность на отдельных новостройках бытовых, и прежде всего жилищных, проблем является ныне одной из главных причин как высокой текучести кадров, так и высокой разводимости. Эти два следствия воздействуют и друг на друга, ибо частая смена человеком места работы до минимума сокращает влияние трудовых коллективов и общественных организаций на его семейную жизнь, а развод нередко влечет за собой и отъезд одного или даже обоих бывших супругов.

Урбанизация ведет к ослаблению социального контроля не только в местах новых поселений, но и в растущих старых городах, так как возрастает анонимность общения, а в самом индивидуальном поведении уменьшается значение ряда традиционных

[38] *Савичев К.* Думая о каждой судьбе. — «Правда», 17 марта 1978 г.

сексуального поведения, свидетелем которых является наше поколение. Заметим, однако, что каждый из факторов, оказывающих дезорганизующее влияние на отношения между полами и на функционирование семьи, может быть в условиях социализма успешно нейтрализован системой мер организационного, воспитательного, экономического порядка, рассчитанных на более полное и эффективное использование возможностей социалистического общества в интересах ускорения прогресса в этой чрезвычайно важной области социальной жизни.

Глава 6

ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ

Превращение брака в основанный на личном выборе добровольный союз мужчины и женщины, в котором нравственные отношения первенствуют над другими, вызвало изменение всех сторон жизни семьи. Преодоление классового и национального антагонизма, противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом обусловливает в свою очередь общую для всех районов и социальных групп страны направленность данных изменений. Это относится прежде всего к численности семьи. В 1939 г. средний размер семьи в СССР (по количеству совместно проживающих ее членов) равнялся 4,1 человека, в том числе в городе — 3,6, в деревне — 4,3 человека. По переписи 1970 г., средний размер семьи сократился до 3,7 человека, причем в городе он составлял 3,5, в деревне — 4,0 человека [1]. Следовательно, разница между численностью городской и сельской семьи только за последние 30 лет уменьшилась с 0,7 до 0,5 человека.

Это уменьшение идет в основном за счет сельской семьи. Численность же рабочей семьи сохраняет относительную стабильность в пределах не только последнего двадцатилетия, но и в течение гораздо более длительного времени. В 1897 г. она равнялась 4,4, а к 1923 г. стабилизировалась на современном уровне (3,5) [2].

О размере семей в зависимости от их состава можно судить по табл. 19.

[1] См. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII. Миграция населения, число и состав семей в СССР. М., 1974, с. 207, 234, 238.
[2] См. *Кабо Е. О.* Очерки рабочего быта. — Информационный бюллетень № 13. Быт, время, демография. М., 1968, с. 24.

Таблица 19

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЕМЕЙ В СССР ПО СОСТАВУ И ЧИСЛЕННОСТИ[3]

Все семьи	Число семей		Число членов семей (в млн.)	Средний размер семьи
	в млн.	в %		
	58,7	100	217,4	3,7
Из них:				
С 1 брачной парой с детьми и без детей	37,3	63,6	132,3	3,5
С 1 брачной парой с детьми и без детей, с одним из родителей супругов, с другими родственниками	9,4	16,0	45,4	4,3
С 2 и более брачными парами с детьми и без детей, с одним из родителей супругов, с другими родственниками	2,2	3,7	13,4	6,1
Матери (отцы) с детьми . .	6,8	11,6	16,9	2,5
Матери (отцы) с детьми, с одним из родителей, с другими родственниками . . .	1,9	3,2	7,0	3,7
Прочие семьи	1,1	1,9	2,4	2,2

Следовательно, семьи, включающие в себя одну брачную пару, составляют 79,6, а две и более брачных пар — 3,7% всех семей. 16,7% всех семей являются неполными. Среди них наиболее типична семья, состоящая из матери и детей.

На средний размер семьи влияют прежде всего наличие или отсутствие в семье старших родственников, что определяется двумя обстоятельствами: продолжительностью жизни последних и характером отношений между старшим и младшим поколениями в каждой родственной группе и в обществе в целом. Так как в 1926—1927 гг. продолжительность жизни в нашей стране составляла всего 44 года[4], тогда было гораздо меньше, чем теперь, супружеских пар, у которых были живы родители мужа или жены.

[3] См. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. VII, с. 238—239.
[4] См. Народное хозяйство СССР в 1974 г., с. 172.

Поэтому, например, снижение среди городского населения РСФСР в период 1926—1970 гг. доли полных семей, хотя бы включающих в себя одного из родителей супругов или других родственников, с 17,3 до 14,9%[5] далеко не адекватно отражает истинные масштабы процесса нуклеаризации семьи. Снижение смертности при прочих равных условиях повышает долю сложных семей и уменьшает долю неполных семей (вдовых).

Процесс разъединения поколений родственников по разным семьям происходит во всех странах мира по мере их индустриализации и урбанизации. При этом в буржуазном обществе он стимулируется ослаблением «традиционных родственных связей» между поколениями. «Комплекс ценностей,— пишет А. Грин,— так переменился, что молодые люди не чувствуют больше никаких обязанностей по отношению к стареющим родителям. Правительственные органы расширяют программы их обеспечения, учитывая всевозрастающее число людей, не склонных принимать на себя такую ответственность. В то же время с каждым годом растет число людей, нуждающихся в домах для престарелых»[6].

Подобные коллизии усугубляются тем, что, как отмечает английский геронтолог С. С. Харрис, «роль пожилого человека в семье снова становится для него центральной из-за утраты им экономической позиции в обществе и (или) потому, что ему не хватает материальных ресурсов, необходимых для его участия в более широкой общественной деятельности. В самой семье пожилой человек также уже не играет активной роли и становится потребителем как различного рода услуг, так и материальных ресурсов, в то время как раньше он являлся одним из «поставщиков», а не получателем. В том случае, когда социальные изменения делают его запас социальных знаний неподходящим для настоящих условий, он теряет свой авторитет, который эти знания некогда ему создавали, так же как и авторитет, который вытекал из его роли поставщика, а не получателя. Отсюда следует, что большая зависимость

[5] См. *Васильева Э. К.* Семья и ее функции, с. 44.
[6] *Green A. W.* Sociology, p. 280—281.

от семьи, характерная для пожилого возраста, не является благоприятной. Пожилой человек сталкивается внутри семьи с теми же проблемами, с которыми он не справлялся в более широком окружении» [7].

Таким образом, исследования последнего двадцатилетия фиксируют относительно стабильную в современных капиталистических странах тенденцию к взаимоотчуждению взрослых детей и их родителей, источником которой является падение экономической ценности старшего поколения для семьи и для общества, моральная деградация последнего, делающая невозможной сохранение нравственных связей между поколениями в условиях ослабления их экономической взаимозаинтересованности. В результате процесс территориального разделения родительской и сыновней (дочерней) семей приобретает все большие масштабы, увеличивая количество живущих в почти полной социальной изоляции стариков [8].

В СССР в семьях, включающих в себя одну супружескую пару, только в 20,1 % присутствуют прочие родственники и даже в семьях, состоящих из матери или отца с детьми,— только в 21,8%. Семьи,

[7] См. 9-й Международный конгресс геронтологов 2—7 июля 1972 г., т. 2. Киев, с. 259.

[8] По всей вероятности, инициатива в этом исходит преимущественно от младшего поколения. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие данные А. Жирара (Национальный институт демографических исследований, Франция): опрос представителей старшего поколения выявил, что значительная часть их выразила желание жить со своими взрослыми детьми (23% тех, кто еще работает, и 33% неработающих и пенсионеров), а многие отказались отвечать на этот вопрос (соответственно 27 и 21%), что вызвано, очевидно, скрытой обидой на детей, не разделяющих такого желания. Определенно заявили о намерении жить отдельно от взрослых детей лишь 50% работающих родителей и 40% неработающих и пенсионеров. Правда, в Австрии, по данным проф. Л. Розенмайера (Исследовательский центр социальной науки при Венском университете), только 24% представителей старшего поколения желали жить вместе с семьями детей, что примерно соответствует реальному соотношению между семьями, включающими в себя представителей старшего поколения, и семьями, состоящими только из супругов и их детей. Но по тем же данным, более чем 33% стариков, живущих вместе со своими взрослыми детьми, «желали бы расторгнуть это тесное каждодневное сотрудничество».

где супруги проживают с обоими родителями одного из них, составляют лишь 3,7 % всех семей. Их доля выше в Средней Азии (Узбекская ССР — 7,4 %), в Армении (8,3 %). Но и в этих республиках преобладает нуклеарная семья, и больший средний размер семейной группы обусловлен преимущественно тем, что в каждом из типов семьи там просто больше детей. В большинстве случаев проживание в семье представителей старшего поколения обусловлено со стороны супругов заинтересованностью в помощи по ведению домашнего хозяйства и уходу за детьми, со стороны старшего поколения — боязнью одинокой старости и желанием помочь в воспитании внуков.

За период между переписями 1959 и 1970 гг. число одиноких людей в возрасте 40—49 лет значительно сократилось, однако в возрасте 50 лет и старше оно выросло на 3,5 млн. человек, или более чем в 2 раза [9].

В большинстве случаев с супругами живет мать одного из них, так как средняя продолжительность жизни женщин в СССР на 7 лет выше, чем мужчин, и одиноких тещ и свекровей значительно больше, чем тестей и свекров. Кроме того, в утилитарно-бытовом отношении именно бабушки для семьи гораздо ценнее дедушек.

Совместное проживание родителей и их детей, состоящих в браке, обычно не является морально-психологической необходимостью (по крайней мере для детей). Более того, при отсутствии утилитарно-бытовой заинтересованности старшее и особенно младшее поколения стремятся жить отдельно друг от друга. Это происходит не только тогда, когда взрослые дети уезжают далеко от родительского дома, и не потому, что в малой, живущей на заработную плату семье старики становятся экономической «обузой». Часто родители и их взрослые дети живут в одном городе и даже районе, но в разных квартирах. Еще чаще старики получают достаточную пенсию или дети посылают им ежемесячно такую же

[9] См. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962, табл. 6; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. VII, табл. 34.

(или даже бо́льшую) сумму денег, какую они затрачивали бы на их содержание в своей семье, но и те и другие не считают целесообразным съехаться под одну крышу.

Чем же вызвано это стремление к отделению?

Перед тем как ответить на данный вопрос, нам хотелось бы привести мнение о нем одной умудренной жизнью старушки, записанное Татьяной Тэсс. «Меня, между прочим, многие спрашивают, почему я с детьми не живу. А я считаю так: если есть возможность, лучше жить самостоятельно. Посудите сами. У дочки, к примеру, муж человек хороший, но вспыльчивый. Порох! Пока я в гостях, это одно дело. А если жить у них? Первая же ссора, и готово: «Мама, видите, какой у него характер?» Они через час помирятся, а у тебя на душе камень, и зять косится. Или, допустим, я у сына. Он с работы приходит поздно, невестка уже спит. Я его дожидаюсь, чай вскипячу: сядем с ним, он мне все расскажет — и про работу, и про домашние дела. Он, еще когда мальчиком был, всем со мной делился. Утром невестка спрашивает: «Что это ты стал такой разговорчивый? Со мной все молчишь, а с матерью рта не закрываешь. Откуда только слова берутся? Вот вам и все! Сами понимаете, что было бы, если бы я у них жила. А так — погостила, внуков обшила, невестке платок связала... И все рады!»[10]

Социологические исследования обнаружили не только существование возможности психологической напряженности в отношениях между супругами и их родителями, но и определенное различие в их установках, касающихся семейной жизни. По данным опроса молодоженов, проведенного в середине 70-х годов в Эстонии, только 12% респондентов намерены полностью следовать в своих взаимоотношениях примеру родителей, примерно 60% намерены делать это лишь частично, а остальные хотели бы жить совсем иначе, чем родители[11].

Как отцы, так и дети обычно отдают себе отчет в том, что совместная жизнь требует приспособления старшего поколения к новым и необычным для него обстоятельствам: самостоятельности детей, их жажде независимости, а подчас даже и главенства с их стороны, а главное, к тому факту, что у сына появился человек, с которым он находится в более близких и интимных отношениях, чем с родителями. В результате то, что со стороны старших кажется естественным и необходимым (например, опекать сына или дочь в их действиях, давать им разного рода советы), со стороны младших, особенно зятя или невестки, рассматривается как назойливое и нежелательное вмешательство в их внутренние дела.

Даже при самых хороших взаимоотношениях родителей и их взрослых детей и самом большом взаимном уважении друг к другу совместная жизнь в силу указанных обстоятельств чревата возможностью взаимных трений, обид и даже ссор. Здесь действует своего рода психологическая закономерность, состоящая в том, что два интимных отношения, из которых одно не является следствием и дополнением другого (как, например, супружеская любовь и любовь к детям), не могут быть полностью согласованы между собой в пределах одной интимной группы. Если же родители или один из них живут с состоящими в браке детьми в силу утилитарно-бытовой необходимости, согласование этих отношений имеет в какой-то мере принудительный характер: старшие вынуждены все время сдерживать себя, чтобы не создать впечатления вмешательства в супружеские дела, а младшие делают это, чтобы не ранить самолюбие родного, нужного им человека.

Таким образом, в СССР стремление поколений к территориально-бытовому отделению друг от друга обусловлено прежде всего духовным обогащением личностей, связанных брачными, семейными узами, и выдвижением этого духовного элемента на первый план семейной жизни. Когда этот элемент был всецело подчинен экономической необходимости, «соперничество» интимных, морально-психологических связей внутри семьи, во-первых, не имело существенного значения в ее жизни, во-вторых, не могло привести к «размежеванию» этих связей. Когда же

[10] «Известия», 2 июня 1961 г.

[11] *Tavit A., Tiit E.* Vanemate perekonnaelu laste abielu-ja perekonnaideaali kujundajana. — «Perekonna probleemid», 111. Tartu, 1978.

семья перестала быть собственнической ячейкой и превратилась преимущественно в морально-психологический союз, указанная выше закономерность получила полную свободу для своего проявления и действия.

Безусловно, в советском обществе нет антагонизма между «отцами» и «детьми», однако каждое поколение, поскольку оно несет на себе печать духовной жизни своего времени, все же отличается в какой-то мере от предшествующего. Эти различия обусловлены в первую очередь стремительным культурным ростом народа в условиях социализма. Чем быстрее этот рост, тем реальнее возможность отставания от него отдельных лиц. В районах, где наиболее живучи патриархально-религиозные традиции, носителями которых являются, как правило, представители старшего поколения, на этой почве до сих пор возникают иногда даже трагические коллизии, приводящие к полному разрыву семейного единства.

Повышение образовательного уровня населения (а оно осуществлялось непрерывно на протяжении всей истории советского общества) происходило в первую очередь за счет обучения молодежи. Только за время с 1959 по 1976 г. на каждую 1000 населения в возрасте 10 лет и старше количество людей с высшим и средним (полным и неполным) образованием увеличилось: в городских поселениях — с 469 до 711, в сельской местности — с 256 до 354[12]. Следовательно, в этот период для многих миллионов советских семей было характерно различие в образовательном уровне младшего и старшего поколений. Кроме того, с течением времени в условиях господства единого коммунистического мировоззрения происходило и происходит изменение индивидуальных вкусов, моды и т. д., что может приводить к возникновению некоторой «эстетической дистанции» между поколениями.

Отношения «отцов» и «детей» в СССР характеризует прежде всего преемственность революционных традиций, общность целей и жизненных идеалов. Но при этом отцы могут, например, предпочитать танцевать танго, а дети — шейк, отцам может больше нравиться один стиль мебели, детям — другой и т. д. Наконец, следует учитывать различия, порождаемые тем, что среди людей, принадлежащих к разным поколениям, ветераны обычно имеют больший опыт и жизненную закалку, чем те, кто следует за ними. Хотя значение этого фактора не следует преувеличивать, он также в отдельных случаях может вызвать различие мнений, оценок, суждений в отношениях между «отцами» и «детьми».

Следовательно, поскольку социализм обеспечивает политическое и моральное единство общества, он ликвидирует былое противоречие между поколениями; остаются лишь различия в образовании, вкусах, опыте и т. д. Поскольку же он увеличивает значение морально-психологического элемента в брачно-семейных отношениях, семейная жизнь становится более «чувствительной» к воздействию с этой стороны. Чтобы решить поставленный вопрос более конкретно, обратимся к данным о характере взаимоотношений между родителями и их взрослыми детьми в случаях как совместного, так и раздельного их проживания.

В современных буржуазных странах стариковское чувство собственной «ненужности», бесполезности для сыновней или дочерней семьи и соответственно обоюдная неприязнь и враждебность поколений наиболее ярко проявляются в отношениях между родителями и их так называемыми детьми по закону, т. е. мужем дочери или женой сына. В статье с выразительным названием «Осложнения неизбежны» американские социологи С. и Э. Дюваль пишут: «Лишь один из четырех состоящих в браке людей не имеет неприятностей из-за своих «родственников по закону»... В семьях с наиболее тесными семейными связями (у евреев, например, или в некоторых семьях со старым укладом) эта проблема особенно обостряется, когда имеют место «смешанные браки»»[13]. Э. Богардус приводит наиболее часто встречающиеся ответы на вопрос: «Что мешает успешной семейной жизни?», в числе которых

[12] См. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1977, с. 14.

[13] Problems of Family Life and How to Meet Them, p. 129.

на втором месте «тещи», на четвертом — «семья мужа»[14].

Сравним эти данные с теми, которые получены нами при опросе рабочих Кировского завода и фабрики имени Желябова в Ленинграде, проживающих с родителями мужа или жены. Лишь 26% опрошенных заявили, что они находятся в плохих отношениях со своими «родственниками по закону». Остальные 74%, т. е. трое из четверых, не имеют от них никаких неприятностей. Пропорция, таким образом, получается обратная американской. Причем плохие отношения наиболее характерны для тех семей, в которых старшее поколение представлено также супружеской парой. Там же, где с семьей живет лишь мать жены или мать мужа, ссоры гораздо более редки (примерно в 15 случаях из 100).

Изучение в 1977 г. 176 молодых семей в г. Москве показало наличие определенных напряжений в отношениях между супругами и их родителями также примерно у 25% опрошенных семей (чаще между одним из супругов и родителями другого). Частые конфликты между супругами из-за отношений с родителями бывают в 18% семей. 11,3% опрошенных отметили, что все осложнения в семье происходят из-за вмешательства родителей[15].

Согласно результатам этого же исследования, доля мужчин и женщин, удовлетворенных браком, выше, если молодая супружеская пара проживает с родителями жены. Конфликты между молодыми супругами и их родителями более часты в тех случаях, когда они живут вместе с родителями мужа.

По мере того как повышается уровень благосостояния и культуры людей и увеличиваются возможности выбора или способа организации своей жизнедеятельности и своих взаимоотношений, вероятность конфликтов между супругами и их родителями неуклонно уменьшается.

Опрос, проведенный сектором социальных проблем семьи и быта ИСИ АН СССР в 1973 г. (выборка — 500 нуклеарных семей, Москва), показал, что

[14] *Bogardus E.* Sociology, p. 89.

[15] См. *Родзинская И. Ю.* Влияние старшего поколения на стабильность молодой семьи. — Взаимоотношение поколений в семье. М., 1977, с. 89.

если родители супругов проживают на расстоянии, не превышающем 30 минут езды, постоянные и регулярные контакты с ними поддерживают свыше 60% семей. Когда же на дорогу к дому родителей уходит от получаса до часа, доля семей, поддерживающих постоянные контакты, сокращается до 30%. Редко встречаются с родственниками в первом случае 10% семей, во втором — 30%[16].

О содержании взаимоотношений между супругами и их родителями можно судить по единственному пока в нашей стране исследованию В. С. Шапиро (выборка — 1400 человек пенсионного возраста, г. Москва, 1973—1975 гг.).

Помощь родителей-пенсионеров детям (в % от числа опрошенных):		Помощь детей родителям-пенсионерам (в % от числа опрошенных)
Материальная помощь	61,1	8,7
Ведение домашнего хозяйства	45,5	42,2
Уход во время болезней	28,8	58,1
Воспитание внуков	43,4	—
Другие виды помощи	7,7	12,8
Не оказывают никакой помощи	7,7	22,9

Таким образом, можно констатировать, во-первых, обоюдный характер помощи, во-вторых, бóльшую активность в этом плане старшего поколения вплоть до того, что лиц, не оказывающих никакой поддержки другой стороне, среди молодых супругов оказалось примерно в 3 раза больше, чем среди пенсионеров.

Итоги московских исследований в целом подтверждают данные, полученные в 1966—1972 гг. социологами Ленинградского зонального научно-исследовательского проектного института типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий. Согласно этим данным, в 82% семейных групп встречи родственников происходят чаще 1 раза в неделю, причем в каждую пятую

[16] См. *Янкова З. А.* Взаимоотношения нуклеарной семьи со старшим поколением и родственниками. — Там же, с. 97.

ется стабильным, то число рождений первого ребенка женщинами в возрасте до 25 лет резко падает [26].

Сопоставляя реальные тенденции к уменьшению количества детей, а следовательно, численности семьи в высокоразвитых капиталистических странах, американский «Статистический бюллетень» пишет: «Очевидно, женщины планируют меньшее число детей, чем они реально хотели бы иметь, если бы позволили обстоятельства» [27]. Согласно последним исследованиям (1972 г.), идеальное количество детей в семье составляло в США в среднем 2,9, в то время как еще в 1968 г. оно равнялось 3,4. В Западной Европе этот показатель варьировался от 3,0 (Норвегия) до 2,5 (Бельгия), в Южной Америке — от 3,9 (Венесуэла, Колумбия) до 2,9 (Аргентина, Бразилия), в Азии — без КНР — от 5,0 (Ирак, Индонезия) до 2,8 (Япония), в Африке — от 5,9 (Кения) до 3,2 (Марокко).

В дальнейшем журнал предвидит сохранение существующих ныне показателей в странах Азии, Африки и Латинской Америки и еще большее сокращение идеальных, а следовательно, и реальных размеров семьи в высокоиндустриальных государствах.

Пытаясь объяснить эту тенденцию, американские социологи Л. и А. Дей выдвинули гипотезу, согласно которой в странах, где осуществляется контроль над рождаемостью, последняя будет самой низкой при двух полярных условиях: когда возможности для удовлетворения индивидом (исключая его семейный статус) своих личных нужд и интересов или очень широки, или очень узки. В первом случае рождаемость будет низкой, так как индивид, имея широкие возможности для интересующей его деятельности вне семьи, не испытывает большой потребности в детях. Во втором случае рождаемость тоже не может быть высокой, так как ограниченность жизненных возможностей порождает страх перед «лишними детьми». Поэтому относительно высокая рождаемость встречается между двумя этими полюсами континуума.

[26] «World Medicine», 1978, vol. II, N 15, p. 36.
[27] «Statistical Bulletin», 1978, vol. 59, N 1, p. 10.

Не ставя под сомнение основные положения этой гипотезы, необходимо вместе с тем конкретизировать ее по крайней мере в двух направлениях.

Первое: внесемейные интересы мужчины и женщины неодинаково влияют на уровень рождаемости. При всей своей занятости профессиональной работой мужчины обычно склонны планировать большее количество детей в семье, чем женщины, ибо главная тяжесть ухода за детьми и их воспитания падает на матерей. Поэтому падение рождаемости коррелируется с расширением внесемейных интересов именно женщин, поскольку, чем шире возможности женщины вне семьи, тем больше и острее она ощущает противоречия между стремлением реализовать их и теми затратами времени и сил, которых требует материнство.

Второе: узость возможностей в сфере внесемейной деятельности может быть следствием как социально-экономических условий, так и индивидуальных особенностей человека, в частности ограниченности его способностей к такой деятельности. И тогда вступает в действие не только фактор, указанный Л. и А. Дей («страх перед лишними детьми»), но и установка на компенсацию своей пассивности вне семьи активностью в выполнении семейных ролей. Если человек способен установить противоречие между этими факторами, чувствовать себя ответственным за благополучие будущих детей и предвидеть, что, чем больше их у него будет, тем хуже станет экономическое положение его семьи, то указанная установка может не проявиться в действии. Если же всего этого у него нет, то она неизбежно актуализируется; не случайно люди с признаками умственной отсталости при самых узких возможностях проявления себя вне семьи отличаются, как правило, чрезвычайно высокой рождаемостью.

Планирование семьи в социалистических странах происходит под непосредственным влиянием в основном того же круга факторов, что и в остальном мире: уровня благосостояния населения и профессиональной трудовой деятельности женщин, степени эффективности и доступности средств контроля над рождаемостью, индустриализации и урбаниза-

ции, продолжительности жизни и детской смертности. Поэтому в демографической литературе различаются два типа воспроизводства населения, относительно независимые от социально-экономической системы: традиционный и современный, или рациональный. Причем «переход к современному типу воспроизводства населения в капиталистических условиях совершался или совершается лишь у относительно небольшой части населения земного шара. У большинства же населения мира этот переход начался после того, как прогрессивная роль капитализма была исчерпана, и связан с некапиталистическим развитием»[28].

Рациональный тип воспроизводства характерен и для большинства регионов нашей страны. По расчетам А. Г. Волкова, уменьшение рождаемости в СССР в 60-е годы является на 75% результатом ее сознательного ограничения[29]. При этом правомерным и желательным с точки зрения интересов общества будет, по-видимому, переход от естественной, неограничиваемой многодетности не к ««естественной» однодетности (где-то в пределе)»[30], а к семье с двумя-тремя детьми с обязательным учетом все более явственно заявляющей о себе потребности повышения качества народонаселения, т. е. в первую очередь снижения показателей умственной отсталости и других форм психических аномалий.

Предположение о двух-трехдетной семье как оптимальной модели подтверждается приводимыми В. А. Борисовым данными, согласно которым за период с 1966 по 1969 г. среднее ожидаемое количество детей осталось практически неизменным, в то время как их среднее идеальное число увеличилось с 1,87 до 2,35 (респондентки — жительницы Москвы в возрасте до 39 лет)[31]. Это увеличение могло бы быть даже бóльшим, если бы не одна психологическая деталь: одновременно с систематическим улучшением жилищных условий населения возрастает

[28] *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976, с. 50.

[29] См. *Волков А. Г.* О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости. — Изучение воспроизводства населения. М., 1968, с. 181.

[30] *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976, с. 186.

[31] См. там же, с. 208.

количество людей, которые оценивают свои собственные жилищные условия (а значит, и предпосылки рождения детей) как неудовлетворительные. Только за период с 1966 по 1969 г. оно, по данным В. А. Беловой и Л. Е. Дарского, увеличилось в 2 раза. «По-видимому, в сложившейся ситуации одна и та же семья, которая живет в одних и тех же условиях, еще несколько лет назад считала свои жилищные условия вполне приемлемыми, а сейчас, когда многие из ближайшего окружения улучшили свои жилищные условия, уже находят их неудовлетворительными»[32].

Реальное число детей в советской семье в настоящее время существенно меньше идеальной «модели», о чем свидетельствует прежде всего преобладание, особенно в западных регионах страны и больших городах, однодетных и бездетных семей.

Численность, а следовательно, и структура семьи не только зависят от рождаемости, но и оказывают обратное влияние на нее.

Известный американский социолог Р. Хилл выделяет, например, шесть изменений указанных параметров, которые ведут к изменениям репродуктивного поведения[33].

1. От закрытой к открытой системе выбора партнера.

В большинстве стран произошел заметный сдвиг, состоящий в переходе от браков, заключаемых по указанию старших (предписанием или запретом), к открытой системе выбора молодыми людьми друг друга в качестве партнера. Некоторые ученые приписывают именно этому повышение возраста вступления в брак и появления первого ребенка.

2. От обмена приданым и выкупом за невесту при вступлении в брак и жесткой системы наследования к более неформальной передаче имущества от поколения к поколению.

С тех пор как приданое, выкуп за невесту и жесткая система наследования уступили место вложе-

[32] *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972, с. 123.

[33] См. *Хилл Р.* Семейные решения и общественные мероприятия. — Доклад на XII Международном семинаре по исследованию семьи. М., 1972, с. 9—10.

учреждений не имеют родителей, для них стараются создать условия, которые в какой-то мере имитировали бы влияние семьи. В связи с этим развивается и поощряется добровольное шефство отдельных лиц и целых семей над воспитанниками детских домов. Обычно шефы периодически навещают ребенка, интересуются его жизнью, ходят с ним на прогулки, в кино, театр, приглашают к себе домой. Все это очень благотворно отражается на воспитании детей: они не чувствуют себя ущемленными, у них появляются новые радости и стимулы к тому, чтобы быть лучше.

Поскольку количество детских воспитательных учреждений в СССР из года в год увеличивается, систематически возрастает и численность воспитываемых ими детей. Однако в настоящее время для подавляющего большинства детей дошкольного возраста основной средой воспитания является семья. Будучи частью общества, семья по отношению к детям служит прежде всего проводником социального влияния. Но она не просто посредничает между обществом и ребенком, а и сама в значительной мере определяет характер формируемой ею личности.

Какова же эта мера и от каких факторов зависит характер воздействия семьи на детей? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обобщили некоторые материалы, касающиеся наиболее типичных отклонений от идеала социального воспитания.

Анализ 500 дел о правонарушениях малолетних в Ленинграде за 1959—1960 гг. показал, что из этого количества 185 детей имели обоих родителей, 13 — мать и отчима, 2 — отца и мачеху, 267 — одну мать, 25 — одного отца, 3 — одну бабушку, 2 — одну сестру и 3 — других родственников (кроме отца и матери). Следовательно, детский аморализм и преступность имеют в неполных семьях (таких, где нет отца, матери или того и другого) гораздо более благоприятные условия для своего развития, чем в полных.

Изучение конкретных причин детского аморализма и преступности показало, что из общего количества 200 случаев, когда ребенок имел обоих родителей (в том числе и отчима или мачеху), в 160 — главная причина состояла в постоянном пьянстве родителей (в том числе отца — в 121, матери — в 9 и обоих родителей — в 30 случаях), в 18 случаях — в семейных разладах, не связанных с пьянством, и в 22 случаях — в недостаточном присмотре за детьми.

Причины детского аморализма и преступности, характерные для полных семей, повторяются — причем примерно в такой же пропорции — и в неполных семьях. Из 267 случаев, когда малолетний правонарушитель воспитывался одной матерью, в 234 случаях главной причиной преступления были ее систематическое пьянство и беспорядочная половая жизнь и только в 33 случаях — недостаточный присмотр за ребенком.

Эти выводы в дальнейшем были подтверждены, расширены и конкретизированы более поздними исследованиями. «Среди совершивших преступления много таких лиц,— пишет, например, К. Е. Игошев,— которые в детские годы воспитывались без одного (главным образом отца) или обоих родителей. Если из числа преступников в возрасте 18—25 лет лица, не имевшие в возрасте до 18 лет одного или обоих родителей, составляют 41,9%, то из числа молодых людей, не совершивших преступлений (контрольная группа),— 23,4%. Еще более высок этот показатель среди несовершеннолетних правонарушителей (43,9%)» [33].

По данным Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, до $^1/_3$ несовершеннолетних правонарушителей жили в неполных семьях [34]. Исследование, проведенное Н. Г. Юркевичем, показало, что в группе подростков-правонарушителей только 56,0% жили в полной семье, в группе трудновоспитуемых обоих родителей имели 71,4%, в контрольной группе — 86,4%. Соответственно жили с одной матерью в группе правонарушителей 24,9%, в группе трудновоспитуемых 16,7% и в контрольной группе 9,9% [35].

[33] *Игошев К. Е.* Психология преступных проявлений среди молодежи. М., 1971, с. 125—126.

[34] См. Социологические проблемы образования и воспитания. М., 1973, с. 30.

[35] Исследование проводилось в 1973 г. в Белоруссии и охватило 620 подростков в возрасте 14—17 лет.

Если учесть, что число неполных семей растет, так как растет число разводов и внебрачная рождаемость, то влияние этого фактора на воспитание молодежи, по всей вероятности, будет увеличиваться.

При этом уже на основе обследования 1959—1960 гг. можно было предположить, что нарушение структуры семьи оказывает негативное влияние на подростков не само по себе, а в сочетании с другими показателями, в частности с уровнем общего и педагогического образования, образования родителей и характером взаимоотношений в семье и т. д. В целях проверки этой гипотезы сектором социальных проблем семьи и быта ИСИ АН СССР в 1977 г. было проведено обследование контингента учеников 8-х классов пяти массовых средних школ Черемушкинского района Москвы. Информация собиралась с помощью так называемой анкеты школьника, формализованного интервью родителей, экспертных оценок педагогов, работников детских комнат милиции, суда, прокуратуры, жэков.

Полученные материалы позволили выявить наличие среди обследованных школьников двух различающихся по ряду показателей групп. Первую из них составили подростки с отклоняющимся от нормы поведением. В качестве основных критериев учитывалось то, что они плохо учатся, часто пропускают занятия в школе, совершенно не участвуют в общественной жизни, их поведение в свободное время отличается бесплановостью, бесцельностью, преобладанием случайных, импульсивных мотивов. Только 10,8% учащихся с отклоняющимся поведением в свободное время читали газеты, журналы, художественную, научную и научно-популярную литературу, 18% посещали кинотеатры, 0,2% — театры, 4,1% занимались спортом, 0,4% были фотолюбителями. Как правило, их духовные потребности не развиты, круг интересов ограничен. Они плохо адаптируются в коллективе, часто вступают в конфликты с другими учениками класса, с педагогами, родителями, имеют приводы в милицию. Вместе с тем следует отметить, что эта группа не во всем однородна: около 10% принадлежащих к ней учеников периодически включаются в жизнь класса, а систематически проявляет признаки агрессивности лишь примерно пятая часть ее состава.

Во вторую группу были включены подростки, которые хорошо или удовлетворительно учатся, отличаются широтой и развитостью духовных потребностей, участвуют в общественной жизни школы. Конфликты с окружающими для них не характерны. Подростки первой группы составили около 40%, второй — около 60% обследованной совокупности.

Выяснилось, что 15% родителей обследованных подростков занимаются трудом неквалифицированным и около 60% — средней квалификации. Причем если в группе школьников с отклоняющимся поведением низкая квалификация характерна для 12% родителей, то во второй группе — всего только для 3%, и, наоборот, работой, которая требует высшего образования, заняты 25% матерей и 14% отцов преимущественно второй группы обследованных нами подростков. Иными словами, наиболее типичная характеристика родителей подростка с отклоняющимся поведением — их низкий образовательный уровень. Исследование показало также, что у большого числа родителей, имеющих несовершеннолетних детей, отсутствуют элементарные педагогические знания, необходимые навыки обращения с детьми, и это опять же характерно прежде всего для первой из названных групп.

По данным Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер по предупреждению преступности, также специально изучавшего этот вопрос и располагающего соответствующими сведениями (полученными экспертным путем от педагогов), значительное число опрошенных родителей учащихся ряда общеобразовательных школ не могут правильно и своевременно воздействовать на своих детей, особенно подростков, и осуществлять воспитание в должном объеме в силу недостаточности их педагогических знаний и умений.

Огромное значение для воспитания в семье имеет характер взаимоотношений между ее членами, уровень эмоциональных связей между ними. В криминологических, педагогических и социологических исследованиях последних лет психологическое неблагополучие в семье отмечается в качестве одной

из важнейших причин отклоняющегося поведения подростков. Обычно различаются два типа неблагополучных семей — так называемые дезорганизованные и проблемные семьи. Для первых характерны преимущественно конфликты внутри семьи, у вторых напряженность внутрисемейных взаимоотношений (отсутствие у супругов общих интересов, взаимопонимания, так называемый психологический абсентеизм одного из супругов и др.) дополняется конфликтом с другими социальными институтами (неадаптированность родителей к труду, аморализм, пьянство и т. д.). Многие ценностные ориентации этой группы обычно противоречат общественным требованиям и нормам.

Именно из этих двух типов семей выходит от 1/3 до 1/2 подростков-правонарушителей. Как свидетельствуют эмпирические материалы, собранные в ряде жэков Черемушкинского района г. Москвы, среди дезорганизованных семей полных (т. е. имеющих обоих родителей) 79%, среди проблемных — лишь 53,7%. Нарушенная структура семьи, таким образом, хотя и повышает процент противоправных и аморальных поступков, не может рассматриваться в качестве важнейшего, а тем более единственного фактора отклоняющегося поведения подростков. Этот вывод подтверждается и сравнительным анализом данных целого ряда других исследований.

Таблица 2

СОСТАВ СЕМЬИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ (выборка)

Согласно данным	Оба родителя	Один родитель	Нет родителей
З. А. Янковой	53,7%	32,2%	10%
Н. П. Грабовской	55,5%	39,6%	4%
Н. В. Гавриловой	54,0%	31,0%	9%

Большие различия между дезорганизованной и проблемной семьей выявляются при анализе морального облика родителей подростков. В проблемных семьях 37,8% матерей и 48,2% отцов имеют отрицательные характеристики с места работы, 27,2% отцов и 15,3% матерей привлекались к уголовной и административной ответственности. 88,1% составляют семьи, в которых оба или один родитель постоянно пьянствуют. В дезорганизованных семьях отрицательные характеристики имеют менее 10% родителей, хотя подавляющее большинство их не участвует в общественной жизни (только 28% имеют постоянные общественные поручения). Все эти данные свидетельствуют о том, что на противоправное и отклоняющееся поведение подростков оказывают влияние характер и направленность взаимоотношений в семье, во-первых, характер и направленность отношений семьи с обществом в целом, во-вторых (см. табл. 28).

Таблица 28

Характеристика семьи	Характеристика подростка	
	с отклоняющимся поведением	с положительной характеристикой
Сплоченная с ориентацией на общесоциальные цели (труд, общественно-политическую деятельность, активность)	менее 1%	99%
Сплоченная, но социально пассивная, с ориентацией на потребительство и материальные ценности	41%	59%
Дезорганизованная с ориентацией на общесоциальные цели	35%	65%
Проблемная, дезорганизованная с антисоциальными ориентациями	69%	31%

Данные таблицы подтверждаются материалами других исследований. «35—40% несовершеннолетних правонарушителей,— пишет, например, Г. М. Миньковский,— воспитывались в семьях, где кто-либо из взрослых злоупотреблял алкоголем или вел аморальный образ жизни или где постоянно происходили ссоры и скандалы»[36]. «Плохие отношения между родителями в семьях, где проживали подростки, ставшие преступниками,— отмечает профессор

[36] *Миньковский Г. М.* Проблемы действительные и мнимые. — «Наука и жизнь», 1968, № 9, с. 79.

С. С. Остроумов,— встречались в 7—8 раз чаще, чем у подростков в контрольной группе (не совершавших преступления); число семей, где родители систематически пьянствовали, у преступников было больше в 6—7 раз; число семей, распавшихся в результате развода (а одной из основных причин разводов опять-таки является пьянство. — *А. Х.*), больше в 4—5 раз» [37].

Большой интерес представляет вопрос о влиянии характера семейных отношений на нравственно-волевое развитие подростков. Так, например, в результате специальных исследований в ряде школ Рязани в семьях с единой общественной направленностью родителей, с согласованными воспитательными требованиями, с рациональной организованностью быта, стабильностью внутрисемейных отношений дети, за редким исключением, характеризовались трудолюбием, интересом к учебе, общественной активностью. В семьях же дезорганизованных и проблемных дети, напротив, отличались импульсивностью, неорганизованностью, упрямством. Одни из них обнаруживали полную пассивность, другие, напротив, негативно направленную активность.

Изучение нравственно-волевых качеств школьников 16 школ Рязани, живущих в неблагополучных семьях, позволило при этом выделить четыре группы подростков. Первую группу (13%) составили школьники с положительно направленной активностью и относительно развитой волей, вторую группу (37%) — с положительно направленной активностью и слабо развитой волей, третью (30%) — с отрицательно направленной активностью и сильной волей и четвертую (20%) — школьники с отрицательно направленной и слабой волей.

Следовательно, только 13% детей из неблагополучных семей удалось устоять против вредного влияния конфликтов, дезорганизации семьи. Третья и четвертая группы являются, собственно, резервом для правонарушителей, для части из них характерно отклоняющееся от нормы поведение, другая имеет уже приводы в милицию. В то же время 95% детей

[37] *Остроумов С. С.* Советская судебная статистика. М., 1976, с. 321.

из благополучных семей обнаружили положительную волевую направленность.

Таким образом, семейное воспитание зависит от многих обстоятельств, среди которых главную роль играет образ жизни и поведение родителей. В этом смысле социологические данные еще раз доказывают глубину педагогической интуиции А. С. Макаренко, который, обращаясь к родителям, писал: «Ваше собственное поведение — самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете или поучаете его или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету — все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы или хвастливы или вы пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вы уже причиняете огромный вред вашим детям, вы уже воспитываете их плохо, и ваше недостойное поведение будет иметь самые печальные последствия» [38].

Из этого следует: все, что способствует укреплению семьи, оздоровлению царящей в ней атмосферы, способствует и семейному воспитанию. Всякий прогресс в области брачно-семейных отношений есть одновременно прогресс и в области воспитания. Поскольку же социализм ведет не просто к изменению, а к качественному изменению этих отношений, к возникновению и развитию принципиально нового типа семьи, он порождает и ряд новых возможностей в самом воздействии семьи на детей.

В собственнической семье решающими факторами воспитания являются основанная на экономическом всемогуществе власть отца и, начиная с того возраста, когда дети уже осознают «что к чему», неотделимая от личной жизненной перспективы перспектива получения или лишения наследства. Немалую

[38] *Макаренко А. С.* Избр. педагог. произв. М., 1946, с. 243.